

УДК 882

О метафоре пути в лирике Пушкина

Исрапова Фарида Хабибовна

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской литературы, филологический факультет,
Дагестанский государственный университет;
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
e-mail: brentano@mail.ru

Савзиева Людмила Алдеровна

Магистрант, филологический факультет,
Дагестанский государственный университет;
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
savzieva94@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из традиционных в европейской поэзии поэтологических метафор – метафора «поэт – путник», особая литературоведческая категория, которая означает «тему развития лирического героя» [Максимов, 1975, 9-11] – тему его пути. На материале стихотворений А.С. Пушкина проявляются различные варианты дорожной метафоры поэтического творчества.

Для цитирования в научных исследованиях

Исрапова Ф.Х., Савзиева Л.А. О метафоре пути в лирике Пушкина // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 163-172.

Ключевые слова

Метафора «поэзия на ходу», образы езды у Пушкина, сюжет пешей прогулки.

Введение

В настоящей статье предпринимается попытка указать на такую литературоведческую категорию, которая означает «тему развития лирического героя» [Там же] – тему его пути. Особый подход к этой теме мы находим в работе О. Мандельштама «Разговор о Данте» (1933).

Здесь выражение «поэзия на ходу» О. Мандельштам употребляет для описания одного из видов энергии, свойственной стиху и требующей от читателя ответного поведения. Исходя из того, что «чтение Данте есть прежде всего бесконечный труд», Мандельштам советует читателю: «Если первое чтение вызывает лишь одышку и здоровую усталость, то запасайся для последующих парой неизносимых швейцарских башмаков с гвоздями» [Мандельштам, 1990].

Из дальнейшего текста работы нам становится понятно, что речь идет о такой ситуации, в которой речевое действие поэта («говорить», «рассказывать», «произносить», «петь») сопровождается или предваряется его физическим действием («ходить», «бродить», «гулять», «блуждать», «странствовать», «бродяжничать» и т.п.). В истории европейской лирики подобная модель поэтической деятельности автора является свидетельством двойственной природы творческого процесса. Мандельштам различал в ритмах Данте его походку: «Мне не на шутку приходит в голову вопрос, сколько подметок, сколько воловьих подошв, сколько сандалий износил Алигьери за время своей поэтической работы, путешествуя по козьим тропам Италии. "Inferno" и в особенности "Purgatorio" прославляет человеческую походку, размер и ритм шагов, ступню и ее форму. Шаг, сопряженный с дыханьем и насыщенный мыслью, Данте понимает как начало просодии. Для обозначения ходьбы он употребляет множество разнообразных и прелестных оборотов. У Данте философия и поэзия всегда на ходу, всегда на ногах» [Там же].

Поэт видит отношение «ритм речи – ритм ходьбы» так же, как ученый. Приведем некоторые из научных подтверждений его понимания «дантовских ритмов» [Там же]. О.М. Фрейденберг в своей книге «Поэтика сюжета и жанра», вышедшей в 1936 г., пишет: «[...] древнейшей формой [...] ритмико-кинетических действий являются акты хождения; нога, ступание, ходьба, имея осмысление в шествии солнца под землей и по небу (исчезновение-появление света), отождествляются с ритмом. [...] Остатками таких представлений являются термины, связанные с ритмикой хождения, – термины стихов и прозаической речи. Так, позднейшая мера стиха, называемая стопой [...] носит у греков и римлян название «ноги», (понс) и pes. Самый термин «стих», происшедший от одноименного греческого слова «стихос», включает в себе образ, связанный с хождением, так как по-гречески (стейхо) значит «ступать», «ходить». Семантика этих терминов говорит о том, что то, что впоследствии становится стихотворением и поэзией, имеет древнейшее – на заре человеческой истории – происхождение и обязано своим возникновением своеобразному осмыслению мира [...]» [Фрейденберг, 1997, 112-113].

Метафора пути в лирике Пушкина

Автор статьи «Эстетические предпосылки теории декламации» С.И. Бернштейн утверждает: «Динамичность [...] присуща всякому искусству. Но в искусствах, произведения которых развертываются во времени, она сказывается с особой отчетливостью. По признаку течения во времени представления звучания связаны тесной ассоциацией с собственно динамическими представлениями – представлениями движения. [...] О родственности стихотворного ритма с

ритмом оркестрическим (ритмом движения) говорят факты, положенные в основание гипотезы о синкретизме первобытной поэзии. О тесной связи стиховой речи с моторными переживаниями свидетельствуют и многочисленные данные психологии поэтического творчества» [Бернштейн, 1927, 34-35]. К тем же выводам приходит Н. Коварский в статье «Мелодика стиха»: «[...] приходится исходить из достаточно твердо установленного положения, что поэзия была первоначально пением и, вероятно, сопровождалась пляской, т.е. ритмическими движениями тела. Быть может, позволительно даже утверждать, что стихотворная речь возникла путем приспособления речи к ритмическим движениям пляски» [Коварский, 1921, 27].

Описание «поэзии на ходу» как «топота Муз» предшествует рассказу Гесиода о богах в его «Теогонии»:

С Муз, Геликонских богинь, мы песню свою начинаем.
 На Геликоне они обитают высоком, священном.
 Нежной ногою ступая, обходят они в хороводе
 Жертвенник Зевса-царя и фиалково-темный источник...
 На Геликонской вершине они хоровод заводили,
 Дивный для глаза, прелестный, и ноги их в пляске мелькали.
 Снявшись оттуда, туманом одевшись густым, непроглядным,
 Ночью они приходили и пели чудесные песни...
 Песнью бессмертной своею и голосом тешась прекрасным,
 Музы к Олимпу пошли. И далеко звучали их гимны,
 Милый их топот по черной земле раздавался в то время,
 Как возвращались богини к родителю.

[Гесиод, 1990, 193-195].

Обращаясь к лирике А.С. Пушкина, отметим, что специальных работ, посвященных теме дороги / пути, в пушкинской поэзии нет (можно говорить только о пробуждающемся интересе к ней). Соответственно, возникает задача – обнаружить в стихотворениях Пушкина мотив странничества (путешествия, прогулки), который в свете названной метафоры «поэзия на ходу» поможет нам увидеть в образе путника самого поэта, автора-творца.

Предварительные наблюдения позволяют говорить о том, что в лирике Пушкина мотив дороги представлен в основном в двух вариантах: *езда* и связанные с ней образы передвижения – телега, сани, тройка, коляска, кибитка, карета и *пеший путь* (прогулка, путешествие).

Обратимся к стихотворению «Телега жизни» (1823).

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
 Телега на ходу легка;
 Ямщик лихой, седое время,
 Везет, не слезет с облучка.
 С утра садимся мы в телегу;
 Мы рады голову сломать

И, презирая лень и негу,
 Кричим: пошел! ...
 Но в полдень нет уж той отваги;
 Порастрясло нас: нам страшней
 И косогоры и овраги:
 Кричим: полегче, дуралей!
 Катит по-прежнему телега;
 Под вечер мы привыкли к ней
 И дремля едем до ночлега,
 А время гонит лошадей.

[Пушкин, 1969, 187].

Субъект речи здесь множественный – это общечеловеческое МЫ, в роли же «ямщика», который «везет» седоков, выступает аллегорический образ – «седое время». Средством передвижения является «телега». Сюжет поездки разделен на три этапа: с утра садимся мы в телегу, «кричим: пошел!» – в полдень «порастрясло нас ... Кричим: полегче, дуралей!» – «под вечер ... дремля едем до ночлега». В данном стихотворении на первый план выходит поведение множественного (коллективного) седока в зависимости от времени суток. Метафорический сюжет жизни как поездки в телеге развивается по нисходящей. Классическое представление о кульминации в середине сюжета (завязка – кульминация – развязка) здесь опровергнуто моделью человеческой жизни. Полна сил легкомысленная, готовая к риску молодость, осторожна трезвая взрослость и бессильная старость с ее усталостью.

В стихотворении 1830 г. «Дорожные жалобы» также реализуется метафора «дорога жизни», так что заглавие следует понимать в прямом смысле как сетования путника или седока, а в переносном – как переживания человека, задумывающегося о трудностях и опасностях жизни. Уже в первой строке первой строфы выражение «гулять на свете» означает и пеший ход, и езду, при этом автор перечисляет различные средства передвижения:

Долго ль мне гулять на свете
 То в коляске, то верхом,
 То в кибитке, то в карете,
 То в телеге, то пешком?

[Там же].

Смысл данного вопроса раздваивается: в прямом смысле – это вопрос о том, как много «мне» еще придется путешествовать, какие приключения «меня» ждут, а в переносном смысле – это вопрос о том, сколько еще «мне» осталось жить. «На большой мне, знать, дороге, / Умереть господь судил» – эти слова читатель воспринимает как предчувствие человека о смерти не «на месте», не «дома», а в действии, в постоянном движении. Возникает и третий смысл данного сюжета путешествия: если «трудности дороги» означают в рамках метафоры «поэт – путник», проблемы творчества, то читатель может представить все опи-

санные здесь возможные злключения как иносказание «проблемы автора»: автор никогда не знает покоя, он все время находится в творческом процессе. И тогда текст третьей, четвертой и пятой строф предстает перед читателем как собрание микросюжетов, сочиняемых автором прямо на ходу, в поездке, на дороге:

На камнях под копытом,
 На горе под колесом,
 Иль во рву, водой размытом,
 Под разобранным мостом.
 Иль чума меня подцепит,
 Иль мороз окостенит,
 Иль мне в лоб шлагбаум влепит
 Непроворный инвалид.
 Иль в лесу под нож злодею
 Попадуся в стороне,
 Иль со скуки околею
 Где-нибудь в карантине.

[Там же].

Антитезой опасному существованию «на ходу», «в дороге» становится пребывание на одном месте – в Москве, дома:

То ли дело быть на месте,
 По Мясницкой разъезжать,
 О деревне, о невесте
 На досуге помышлять!
 То ли дело рюмка рома,
 Ночью сон, поутру чай...

[Там же, 333]

Но это только мечты: стихотворение заканчивается словами «ну пошел же, погонай!...» – это крик, обращенный к ямщику, чтобы тот продолжать путь.

Остановка на «дороге жизни» невозможна, и седока ждут новые опасности и тревоги.

В стихотворении Пушкина «В поле чистом серебрится...» (1833) мотив дороги разрабатывается в прямом смысле, и вместе с образом традиционной «тройки» с ее ямщиком здесь на первый план выступает тема песни. В первой строфе автор создает хронотоп зимней ночи:

В поле чистом серебрится
 Снег волнистый и рябой,
 Светит месяц, тройка мчится
 По дороге столбовой.

[Пушкин, 1969,253].

Во второй строфе мотив дороги соединяется с мотивом скуки, который, в свою очередь, предваряет тему «песни». Герой стихотворения обращается к ямщику: «Пой...» – и далее разъясняет свою просьбу:

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

[Там же, 254].

Обилие эпитетов позволяет читателю понять, в чем же состоит особая ценность («сладость») простого пения ямщика для героя: «родные звуки» «удалой» и «звонкой» песни в темном, бесконечном пространстве зимней ночи с ее «грустным» «воем» ветра приносят ему радость и веселье, становятся для него утешением в долгой дороге.

В третьей строфе обращение к ямщику повторяется: герой еще раз говорит о своем желании слушать:

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

И в третий раз в четвертой, незаконченной строфе герой просит «пой» и сам подхватывает песню ямщика:

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

[Там же]

Так песня ямщика переходит к герою стихотворения, становясь текстом стихотворения Пушкина: желая избавления от скуки, герой прислушивается к голосу поющего ямщика и сам начинает петь его «звонкую», «удалую» песню.

Перейдем теперь к тем стихотворениям Пушкина, где мотив дороги (пути) получает смысл «прогулки героя в саду» как действия, предшествующего творчеству. Причем в этом случае следует обратить внимание на вводящий мотив – воспоминание. В стихотворении, написанном 14 декабря 1829 г., это слово становится частью заголовка – «Воспоминание в Царском Селе»; в стихотворении 1830 г. мотив памяти звучит в первой строке – «В начале жизни школу помню я ...». В «Воспоминании ...» сюжет прогулки поэта в «садах» задан в самом начале:

Вспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Он продолжается в строчках третьей строфы:
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,

Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

[Пушкин, 1969, 240-241].

Здесь налицо связь поэтического творчества с движением, смысл которого передается в словах «бродить», «гулять», «идти пешком», «блуждать», а в данном случае обозначен деепричастием «скитаясь». Иными словами, эти строчки Пушкина подтверждают смысл выражения О. Мандельштама «поэзия на ходу» как доказательства двойственной природы поэтического творчества: стихи «отрок» сочиняет «на ходу», в пути, в дороге.

В стихотворении «В начале жизни школу помню я...» возникает схожий мотив «прогулка героя в саду» с его значением условия возникновения вдохновения, начала творчества. Терцины этого незавершенного произведения, как считают некоторые исследователи, свидетельствуют о прогулках лицеиста Пушкина именно в царскосельских садах:

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня тенью прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.
Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум [Там же, 200-201].
Герой описывает две скульптуры:
Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Восхищение этими произведениями искусства переходит в поэтическое вдохновение:

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Заключительная строфа стихотворения «В начале жизни школу помню я...» также позволяет считать мотив «прогулки в саду» одним из важнейших в его сюжете:

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

[Там же, 201].

В последнем стихотворении трехчастного цикла Анны Ахматовой «В Царском Селе» (1911) эти два пушкинских произведения угадываются в образе «смуглого отрока» (текст дается в первоначальной редакции):

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных глухих берегов,
И столетие мы лелеем
еле слышный шелест шагов.
Иглы елей густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И разорванный том Парни.

[Ахматова, 1988, 16].

Лексическое подобие: у Пушкина «вновь нежным отроком», «среди отроков я / бродил» – у Ахматовой «смуглый отрок бродил» – укрепляет связь двух названных пушкинских текстов и стихотворения Ахматовой, свидетельствуя об их общей причастности мотиву «поэзии на ходу». Образ поэта-путника становится неотделим в 1911 г. от адресата – «нас», внимающих его «шагам» читателей. Так создается хронотоп «нашего» (говоря от лица «мы» в 1911 г.) общего гулянья в Царском Селе, которое длится вот уже сто лет (Царскосельский лицей был открыт в 1811 г.). Уже сто лет, как «мы» пытаемся услышать в ахматовской метафоре «шелест шагов» и шум от перелистывания страниц книги стихов Пушкина, и звук шагов гуляющего «отрока»-лицеиста.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, отметим: тема пути в лирике А.С. Пушкина получает как прямое значение путешествия (прогулки) и поездки, так и метафорическое значение «дороги жизни» и «поэзии на ходу» – творческого поведения поэта.

Библиография

1. Ахматова А.А. Вечер. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. М., 1988.
2. Бернштейн С.И. Эстетические предпосылки теории декламации // Сборник статей «Поэтика». Л., 1927.
3. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.-Л., 1960.
4. Гесиод. О происхождении богов (Теогония) // О происхождении богов. М., 1990.
5. Коварский Н. Мелодика стиха // Сборник статей «Поэтика». Л., 1928.
6. Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. Л., 1975.
7. Мандельштам О.Э. Сочинения. В 2 т. Т. 2 «Проза». М., 1990.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1, 2, 3. М., 1969.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1977.

On metaphor of way in poems by Pushkin

Farida Kh. Israpova

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of russian literature, Faculty of philology,
Dagestan State University,
367000, 43-a Gadzhieva st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: brentano@mail.ru

Lyudmila A. Savzieva

Master Student, Faculty of philology,
Dagestan State University,
367000, 43-a Gadzhieva st., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: savzieva94@mail.ru

Abstract

This article attempts to point to the literature category which means "theme of development of lyric hero" – the theme of his path. A special approach to this theme we can find in the work of Mandelstam "Conversation about Dante" (1933). Here, the expression "poetry on the move" Mandelstam uses to describe one of the types of energy, property of verse that requires from the reader a response behavior. The poet sees the relationship "speech rhythm – the rhythm of the walk" as well as a scientist. Turning to the poetry by A. Pushkin, the authors of this article note that there is no the special works devoted to the theme of the road / path, in Pushkin's poetry (we can speak only of awakening interest in it). Accordingly, there is the task to discover motive of wandering in the poems by Pushkin (travelling, walking), which in the light of metaphor "poetry on the move" will help to see the poet, author-creator in the image of the traveler. On the bases of preliminary observation the authors suggest that in the lyrics by Pushkin the motive of the road is mainly represented in two variants: the drive and images of movement, and foot way (walk, travel).

For citation

Israpova F.Kh., Savzieva L.A. (2017) O metafore puti v lirike Pushkina [On metaphor of way in poems by Pushkin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 163-172.

Keywords

Metaphor "poetry on the move", image of riding in Pushkin's poetry, theme of hiking.

References

1. Akhmatova A.A. (1988) *Vecher. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1912 goda* [Evening. Reprint reproduction of the edition of 1912]. Moscow.
2. Bernshtein S.I. (1927) Esteticheskie predposylki teorii deklamatsii [Aesthetic theory prerequisites recitation]. In: *Sbornik statei "Poetika"* [Collection of articles "Poetics"]. Leningrad.
3. Blok A.A. (1960) *Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 2* [Collected works: In 8 vols. Vol. 2]. Moscow-Leningrad.
4. Freidenberg O.M. (1977) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow.
5. Gesiod (1990) O proiskhozhdenii bogov (Teogoniya) [On the origin of the gods (Theogony)]. In: *O proiskhozhdenii bogov* [On the origin of the gods]. Moscow.
6. Kovarskii N. (1928) Melodika stikha [The melody of the verse]. In: *Sbornik statei "Poetika"* [Collection of articles "Poetics"]. Leningrad.
7. Maksimov D.E. (1975) *Poeziya i proza A. Bloka* [Poetry and prose by Block]. Leningrad.
8. Mandel'shtam O.E. (1990) *Sochineniya. V 2 t. T. 2 "Proza"* [Works. In 2 vols. Vol. 2 "Prose"]. Moscow.
9. Pushkin A.S. (1969) *Sobranie sochinenii. V 6 t. T. 1, 2, 3* [Collected works. In 6 vols. Vol. 1, 2, 3]. Moscow.